

Гоморра. О самой засекреченной и влиятельной преступной группировке в мире

«Гоморра» — бескомпромиссное журналистское расследование, проливающее свет на деятельность одной из самых больших и влиятельных преступных группировок Европы — неаполитанской каморры. Эта организация заправляет всем — от торговли людьми до индустрии моды. Годовой оборот — 150 миллиардов евро.

За последние 20 лет каморра уничтожила более 10 тысяч человек по всему миру. Мафия назначила денежную премию за голову Савьяно. Однако писатель продолжает обличать мафиози. Сейчас Савьяно находится под защитой итальянской полиции. Умберто Эко считает Савьяно героем, а также одним из наиболее выдающихся документалистов Италии.

Роберто САВЬЯНО

ГОМОРРА

О САМОЙ ЗАСЕКРЕЧЕННОЙ
И ВЛИЯТЕЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ
ГРУППИРОВКЕ В МИРЕ

Перевод с итальянского

И. И. Зайцевой

Издательство
«КНТ»
Киев – 2021

УДК 821.131.1
С 13

Перевод с итальянского
И. И. Зайцевой

Савьяно, Роберто

С 13 Гоморра. О самой засекреченной и влиятельной преступной группировке в мире. / Роберто Савьяно. — Киев: Изд. «КНТ», 2021. — 360 с.

ISBN 978-611-01-2395-2

«Гоморра» — бескомпромиссное журналистское расследование, проливающее свет на деятельность одной из самых больших и влиятельных преступных группировок Европы — неаполитанской каморры. Эта организация заправляет всем — от торговли людьми до индустрии моды. Годовой оборот — 150 миллиардов евро. За последние 20 лет каморра уничтожила более 10 тысяч человек по всему миру.

Мафия назначила денежную премию за голову Савьяно. Однако писатель продолжает обличать мафиози. Сейчас Савьяно находится под защитой итальянской полиции. Умберто Эко считает Савьяно героем, а также одним из наиболее выдающихся документалистов Италии.

УДК 821.131.1

ISBN 978-611-01-2395-2

© Роберто Савьяно, 2021.
© Издательство «КНТ», 2021.

Посвящается С., черт возьми

*Понимать, что такое жестокость, не
отрицать ее существования, бесстрашно
противостоять реальности.*

Ханна Арендт

*Тот, кто побеждает, неважно, каким
способом, никогда не чувствует угрызений
совести.*

Никколо Макиавелли

*Люди — черви и должны ими оставаться.
(Из перехваченного телефонного
разговора.)*

Мир твой.

«Лицо со шрамом»[1]

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПОРТ

Контейнер качало из стороны в сторону, пока подъемный кран перемещал его над палубой. Спрейдер — устройство для захвата контейнера — не справлялся с качкой: казалось, он висел в воздухе сам по себе. Плохо закрытые дверцы неожиданно распахнулись, и на палубу, будто манекены, посыпались десятки тел. Но при падении головы раскалывались по-настоящему, как и должны раскалываться человеческие черепа. Из контейнера вываливались мужчины и женщины. Иногда попадались дети. Все мертвые. Примерзшие друг к другу, как мороженная рыба. Бесчисленные китайцы, которым неведома смерть, а ведомо перерождение, — после их гибели документы получают их собратья. Вот где они теперь. Те, у кого богатая фантазия, прямо-таки видели, как эти тела перерабатывают в фарш на ресторанных кухнях, закапывают в огородах около фабрик, бросают в жерло Везувия. А они оказались здесь. Падали десятками из контейнера, на шее у каждого — бирка с именем. У всех были отложены деньги на похороны, они хотели быть похороненными в Китае, в своих родных городах. Работодатели забирали часть их зарплаты, а взамен гарантировали возвращение на родину после смерти: немного места в контейнере и наконец — яма где-то в китайской земле.

Во время своего рассказа портовой крановщик прятал лицо в ладони и смотрел на меня сквозь пальцы. Словно ему было легче говорить, скрывшись за этой импровизированной маской. Он смотрел, как падали на палубу мертвецки, и даже не звал на помощь — в этом не было необходи-

мости. Едва он опустил контейнер, как тут же из темноты появились люди, побросали трупы обратно, а потом полили место происшествия водой из шланга. Так здесь все решалось. Он не верил своим глазам, надеялся, что это ему привиделось от усталости: работал вторую смену подряд. Он сжал пальцы, теперь полностью закрыв лицо, и, всхлипывая, продолжил рассказ, но я не мог разобрать ни слова.

Все поступает отсюда. Отсюда, из Неаполя, из этого порта. Нет такой вещи: ткани, куска пластмассы, игрушки, молотка, ботинка, отвертки, гайки, видеоигры, куртки, штанов, дрели, часов — которая бы не прошла через этот порт. Неаполитанский порт — это рана. Глубокая. Пункт назначения бесконечных потоков товаров. Корабли прибывают, входят в залив и встают во внутреннюю гавань, как щенки, пристраивающиеся к сосцам матери; разница только в том, что доить здесь будут их. Порт Неаполя — это дыра на карте мира, через которую к нам попадает все, что производится в Китае и на остальном Дальнем Востоке. Парадокс. Дальний, дальше некуда — даже представить себе трудно. Если закрыть глаза, то видишь только кимоно, бороду Марко Поло и знаменитый удар Брюса Ли в прыжке. На самом деле этот Восток связан с Неаполем гораздо теснее, чем любой другой регион. В нем нет ничего дальнего. Ближайший Восток, вот как его надо называть. Все, что производится в Китае, сливается сюда. Это как яма в песке, в которую выливают воду из ведерка: она становится глубже и глубже.оборот одного только порта Неаполя составляет 20% от всей стоимости импортируемых китайских тканей, а если считать по объему продукции, то отсюда поставляется уже более 70%.

Это нелегко понять, но товары обладают волшебными свойствами: они существуют, не существуя, оказываются в месте назначения, не прибывая туда, стоят бешеных денег, будучи при этом плохого качества, и — копейки по наклад-

ным, на самом деле являясь более чем ценными. Секрет в том, что текстиль обладает множеством товароведческих характеристик, и достаточно одной галочки на сопроводительных документах, чтобы значительно снизить стоимость и НДС. В черной дыре порта молекулярная структура вещей будто бы распадается, чтобы потом опять восстановиться, едва они окажутся вдали от берега.

Товары должны покидать порт как можно скорее. Все происходит так быстро, что груз, только появившись, исчезает со скоростью света: раз — и его уже нет. Есть здесь таинственные причалы, корабли-призраки, исчезающие грузы. Некоторые перевозки так никогда и не начинаются. Предметы испаряются, словно ничего и не было. Товар должен попадать в руки покупателя, не оставляя за собой никаких следов, должен оказываться на складе сразу же, без промедления, даже раньше назначенного времени, потому что время означает контроль. Центнеры товаров перемещаются так легко и просто, будто это обычные посылки, которые отправляют наложенным платежом, а потом почтальон доставляет их на дом. В порту Неаполя, на его 1 336 000 квадратных метрах, протянувшихся вдоль побережья на 11,5 км, время обладает уникальной способностью растягиваться. То, на что ушел бы час в обычном мире, здесь совершается меньше чем за минуту. Поговорка о медлительности неаполитанцев забыта, опровергнута, вычеркнута из памяти. Таможня работает по расписанию, в которое нельзя впихнуть всю китайскую продукцию. Товары прибывают и убывают с бешеной скоростью. Здесь действительно убивают время. Минуты гибнут одна за другой, секунды у документов отвоевывают с боем, их преследуют рев грузовиков и подъемные краны, сопровождаемые электрокарами, которые разгружают контейнеры.

В порту Неаполя работает крупнейшая контейнерная компания Китая — COSCO, владеющая третьим по величине флотом в мире; объединившись с женеvской MSC,

владеющей вторым по величине флотом, она заняла самый большой терминал. Швейцарцы договорились с китайцами и решили разместить большую часть бизнеса в Неаполе. Здесь они владеют дополнительными 950 метрами причала, 130 000 квадратных метров контейнерного терминала и территорией снаружи в 30 000 квадратных метров, что позволяет им контролировать почти все проходящие через Неаполь грузы. Нужно сильно напрячь воображение, чтобы представить, как на пристани, такой маленькой с виду, можно разместить несметное количество китайских товаров. Это напоминает известный евангельский образ, только в роли игольного ушка выступает порт, а верблюда, в него пролезающего, заменяют корабли. Суда утыкаются друг в друга носами, становятся цепочкой друг за другом, ожидая разрешения на вход в залив, где царит полная неразбериха из-за сильной качки; огромные корабли, громяхая своими железными телами, медленно втекают в гавань через узкое отверстие. Анос моря, который расширяется, невзирая на болезненное сопротивление сфинктера.

Однако все не так. С виду нет никакой неразберихи. Все корабли входят и выходят, соблюдая очередь, — по крайней мере так кажется, если наблюдать с суши. Свой путь начинают отсюда 150 000 контейнеров. В порту воздвигаются целые небоскребы товаров, чтобы потом отправить их дальше. Главное в порту — скорость, любая бюрократическая проволочка или излишне тщательная проверка превращают гепарда в медлительного и неповоротливого ленивца.

Я всегда теряюсь на пирсе. Пирс Баузан — точь-в-точь как «лего». Огромная конструкция, в которой, кажется, уже нет свободного места, но оно все равно появляется и появляется из ниоткуда. Есть на пирсе угол, напоминающий сетку пчелиных сот. Чертовы соты облепили стену: тысячи электрических розеток для подпитки рефрижераторов — контейнеров с замороженными продуктами, от кото-

рых как хвосты тянутся провода к этому гудящему улью. Контейнеры забиты полуфабрикатами и итальянскими рыбными палочками. На пирсе Баузан у меня возникает ощущение, что именно отсюда отправляются все произведенные для человечества товары. Здесь они проводят свою последнюю ночь, прежде чем их продадут. Я словно вижу, как рождается мир. За считанные часы проделывает свой путь через порт одежда, которую подростки в Париже будут носить весь следующий месяц, рыбные палочки, которые в Брешии будут есть весь следующий год, часы, которые застегнут на запястьях каталонцы, шелковые костюмы, которые прослужат англичанам всего сезон. Жаль, что на этикетках пишут только страну-производителя товара — было бы интересно знать, какой путь он проделал, прежде чем попасть в руки к покупателю.

По происхождению товар может быть многонациональным, полукровкой и незаконнорожденным. Рождается он недоношенным в Центральном Китае, обретает недостающую часть на задворках какой-нибудь славянской страны, доводится до совершенства на северо-востоке Италии, а потом упаковывается в Апулии или на севере Тираны, чтобы в итоге оказаться на одном из многочисленных складов Европы. Товар априори обладает всеми возможными правами на перемещение, недоступными ни одному человеку. Конечный пункт назначения всех официальных и неофициальных перевозок — Неаполь. Издалека огромные контейнеровозы кажутся легкими и грациозными, но едва они входят в залив, медленно приближаясь к пристани, как тотчас превращаются в покрытых металлом и перетянутых цепями тяжеловесных мамонтов, на чьих боках проржавевшие швы пропускают воду. Ты воображаешь, какая огромная должна быть команда на этих кораблях, но на самом деле их разгружают отнюдь не здоровяки, причем их не много, и кажется невероятным, что они справляются с этими гигантами в открытом океане.

Когда я впервые увидел, как швартуется китайский корабль, то был готов поверить, что передо мной все товары мира. Я думал, мне изменяет зрение. Сосчитать контейнеры было невозможно. Я сбивался со счета. Кажется, невозможно запутаться в цифрах, но я путался, числа становились слишком большими, чтобы удерживать их в голове.

Почти весь товар, который прибывает в Неаполь, — китайский. 1 600 000 тонн. И это только то, что регистрируется. Еще как минимум миллион поступает незамеченным, не оставляя никаких следов. По данным Таможенного агентства, в одном только неаполитанском порту 60% товара и 20% квитанций проходят мимо таможи; здесь существуют тысячи возможностей для фальсификаций: инициаторами 99% из них выступают китайцы, а сумма утаенных налогов за полгода достигает 200 000 000 евро. Контейнеры, которые должны исчезнуть, прежде чем их успеют проверить, выгружаются в первую очередь. По правилам каждый контейнер должен быть пронумерован, но очень часто одинаковый номер стоит сразу на нескольких. Так контейнер, проходящий проверку по правилам, становится крестным отцом для всех своих однофамильцев-нелегалов. То, что отгружают в понедельник, в четверг уже может лежать на прилавках в Модене или Генуе или в витринах Бонна и Монако. Значительная часть товаров, попадающих на итальянский рынок, изначально должна была из Неаполя отправиться в другие страны, но краткая остановка на таможе может волшебным образом превратиться в конец пути. В грамматике языка товаров два разных синтаксиса: один — для документации и другой — для торговли. В апреле 2005 года отдел таможи по борьбе с мошенничеством провел четыре молниеносные операции, все в одном регионе, и конфисковал 24 000 пар джинсов, предназначенных для французского рынка; 51 000 безделушек, произведенных в Бангладеш и с надписью на этикетке *made in Italy*; около 450 000 кукол барби, спайдерменов, бэтменов; еще 46

000 пластмассовых игрушек на общую сумму примерно в 36 000 000 евро. За считанные часы неаполитанский порт минует частичка экономики. И растекается по всему миру, выйдя из порта. Происходит это ежечасно, ежеминутно. Небольшая часть постепенно становится все больше и больше и наконец превращается в весомую долю всей экономики.

Порт находится за чертой города. Воспаление этого аппендикса не переходит в перитонит, он всегда остается в пределах брюшной полости, ограниченный линией берега. Некоторые его части заброшены — запертые между землей и водой, они словно не принадлежат ни суше, ни морю. Амфибия, морское чудище. Мусор и перегной, отбросы, которые приливы и отливы год за годом прибывали к этим берегам, сформировали новую сушу. Корабли опорожняют свои туалеты в море; после уборки трюмов прямо в воду сливают грязную желтую пену; ремонтируя катера и яхты, прочищая моторы, все ненужное отправляют в море, как в мусорное ведро. А потом все это оседает на берегу: сначала сероватой массой, после — твердым панцирем. Солнечный свет создает иллюзию, что море состоит из воды. На самом деле поверхность залива блеском напоминает мешки для мусора. Черные. Кажется, это не вода, а огромный резервуар с нефтью. Причал, уставленный сотнями разноцветных контейнеров, выглядит как граница, за которую лучше не заходить. Неаполь окружают стены из товаров. Стены не защищают город, наоборот, город защищает стены. Никаких армий докеров, никаких романтических героев из портовой черни. Обычно, думая о порте, все представляют себе необычайно шумное место, снующих туда-сюда возбужденных людей, уродливые шрамы, смешение всевозможных языков. На самом же деле порт может сравниться по тишине с полностью механизированной фабрикой. Кажется, здесь нет ни души; контейнеры, суда и грузовики приводятся в движение вечным двигателем. Все происходит быстро и без суматохи.

В порт я ходил, чтобы поесть рыбы. Впрочем, близость ресторана к морю вовсе не гарантирует, что качество на высоте: я выуживал из тарелки кусочки пемзы, песок, иногда попадались водоросли. Морских черенков[2] как вылавливали, так и бросали в кастрюлю. С одной стороны, гарантия свежести, с другой — своеобразная русская рулетка: или отравишься, или нет. Сегодня все уже привыкли к отсутствию вкуса у современной пищи, когда кальмара не отличить от курицы. Чтобы почувствовать настоящий вкус моря, надо идти на риск. И я с удовольствием рисковал. В портовом ресторане я заодно поинтересовался у местной публики, где снять жилье.

— Даже не знаю, здесь всё нарасхват. Когда вокруг столько китайцев... — ответили мне.

Вдруг один из сидевших в центре зала здоровяков, обладатель просто-таки великанского голоса, смерил меня взглядом и произнес: «Может, получится что-то найти».

Больше он ничего не сказал. Мы доели обед, вышли и направились к улице, огибавшей порт. Он не предлагал мне следовать за ним, но в этом и не было необходимости. Наконец мы оказались в вестибюле многоэтажного дома, навевавшего мысли о привидениях. Ночлежка. Мы поднялись на третий этаж, где находилось единственное сохранившееся студенческое общежитие. Всех остальных выселили, чтобы освободить место для пустоты. В домах ничего не должно было быть. Никаких шкафов, кроватей, картин, комодов, даже стен. Только пустое пространство для мешков, для огромных, как шкафы, картонных коробок с товаром.

В этом доме мне выделили что-то вроде комнаты, скорее даже, каморку — места в ней едва хватало для кровати и шкафа. Об оплате, о моей части коммунальных платежей, правилах пользования телефоном и Интернетом никто не заговаривал. Меня представили четырьмя соседями, и на этом

все закончилось. Мне объяснили, что это была единственная обитаемая квартира во всем доме, она принадлежала Сяню — китайцу, контролировавшему такие многоэтажки. Я не должен был платить за аренду, но меня попросили работать в домах-складах каждые выходные. Я искал комнату, а в итоге нашел работу. По утрам сносили стены между комнатами, вечером убирали остатки цемента и кирпичей, содранные обои. Обломки складывали в обычные мешки для мусора. Звуки при разрушении стены могут быть самыми неожиданными. Иногда кажется, что не камни падают на пол, а хрустальные бокалы, которые смахнули рукой со стола. Каждый дом, лишившись внутренних стен, становился складом. Мне самому непонятно, как многоэтажка, где я работал, еще не рухнула, — мы по незнанию разрушили не одну несущую стену. Но для товаров нужно было место, и мы думали не о прочности оставшегося каркаса, а о хранении продукции.

Идея заполнять коробки прямо на этих импровизированных складах пришла в голову каким-то китайским торговцам после того, как портовые власти представили делегации от конгресса США свой план security — проект по обеспечению безопасности. Он заключался в разделении порта на четыре части: рейсовую, каботажную, товарную и контейнерную. Из-за каждой могли возникнуть проблемы. После публикации этого плана безопасности многие китайские предприниматели во избежание вмешательства полиции, слишком долгого обсуждения в прессе и в особенности вторжения назойливых тележурналистов, готовых на все ради забористой картинки, решили впредь остерегаться всяческой огласки и стать невидимыми. Даже если цены повысятся, товар все равно следовало скрывать. Он должен был исчезать в богом забытых деревнях, в арендованных сараях, стоящих между свалками и табачными полями, но на движение грузовых фур это никак не влияло. Каждый день в порт въезжало и из порта выезжало не более десяти

небольших фургонов, нагруженных доверху коробками. Путь их заканчивался через несколько метров, в гаражах соседних с портом домов. Въехать и выехать — этого было достаточно.

Неконтролируемые перемещения, едва заметные и затерянные в ежедневном транспортном хаосе. Арендванные дома, порой полуразрушенные. Гаражи, сообщающиеся между собой, подвалы, забитые товаром до самого потолка. Никто из владельцев не смел протестовать. Сянь платил за все. Платил за аренду, компенсировал перепланировку. Тысячи коробок поднимались на лифте, переоборудованном в грузоподъемник. Теперь зажатую в многоэтажке стальную клетку сменила открытая платформа, безостановочно снующая вверх-вниз. На все про все уходило несколько часов. Выбор коробок зависел от их содержимого. Мне довелось разгружать товар в начале июля. Платят за такую работу хорошо, но заниматься ею можно только при условии постоянных тренировок. Было жарко и очень влажно. Но никто даже не заикался о кондиционере. Никто. Боязнь наказания или свойственная тому или иному народу привычка к подчинению и покорности были здесь ни при чем, ведь работников набирали из самых разных уголков земли. Гана, Кот-д'Ивуар, Китай, Албания — и Неаполь, Калабрия, Базиликата. Никто не роптал, все знали, что товарам жара не вредит, и этого было достаточно, чтобы не тратить деньги на кондиционеры.

Мы набивали коробки куртками, плащами, ветровками, легкими кофтами, зонтами. Лето было в самом разгаре, и казалось совершенным безумием запастись осенней одеждой вместо купальников, сарафанов и шлепанцев. Я знал, что в этих «камерах хранения» товар не залеживался, как на складах, здесь находилось лишь то, что должно было немедленно поступить в продажу. Но китайские предприниматели предвидели, что август будет не особо солнечным. Я навсегда запомнил лекцию Джона Мейнарда Кейн-

са[3] о предельной стоимости: например, о том, сколько стоит бутылка воды в пустыне, и сколько — около водопада. Выходит, что тем летом итальянские предприниматели продавали воду около родников, в то время как китайские сооружали источники в пустыне.

Мы проработали всего несколько дней, когда Сянь пришел к нам ночевать. Его итальянский был безупречен, только «р» немного походила на «в». Как у обедневших аристократов, которых играл Тото. Сяня Чжу у нас окрестили Нино. В Неаполе почти всем китайцам, так или иначе связанным с местными жителями, дают неаполитанские имена. Это настолько распространенное явление, что ты уже ничуть не удивляешься, когда китаец представляется как Тонино, Нино, Пино или Паскуале. Сянь-Нино, вместо того чтобы спать, провел ночь за столом на кухне, разговаривая по телефону и глядя одним глазом в телевизор. Я лежал на кровати, но уснуть было невозможно. Речь Сяня не прерывалась ни на минуту. Слова вылетали из его рта пулеметными очередями. Он, как ныряльщик, не дышал, погружаясь в словесную пучину. Да еще и газы из кишечника его телохранителей наполняли сладковатым запахом все помещение, испортив воздух и в моей комнате. Дело было не только в зловонии, но и в тех ассоциациях, которые оно вызывало. Утка по-пекински, разлагающаяся в их желудках, и рис карри, разъедаемый желудочным соком. Мои соседи к этому уже привыкли. Они закрывали двери, их не волновало ничего, кроме сна. Меня же интересовало то, что происходило за дверью. Поэтому я вышел на кухню. Она общая, а значит, и моя тоже. Точнее, так должно быть. Сянь закончил разговор и встал к плите. Он жарил цыпленка. У меня в голове вертелись десятки вопросов, которые я хотел бы ему задать из любопытства, из желания прояснить верность стереотипов. Я заговорил о триадах.[4] О китайской мафии. Сянь продолжал готовить. Я хотел узнать подробности. Пусть даже самые незначительные —

на секретную информацию о том, как вступают в клан, я и не рассчитывал. Я демонстрировал кое-какие знания характерных особенностей китайской мафии, полагая, что владение отрывочными сведениями поможет мне постичь сущность целого. Сянь поставил сковородку с цыпленком на стол и сел, не произнеся ни слова. Не знаю, заинтересовала ли его хоть немного моя речь. Не знаю и никогда не узнаю, был ли он членом мафии. Он глотнул пива, потом чуть приподнялся, вынул из кармана брюк кошелек, не глядя пошарил в нем пальцами и выудил три монеты. Положил их на стол и накрыл перевернутым вверх дном стаканом.

— Евро, доллар, юань. Вот моя триада.

Сянь говорил искренне. Одна-единственная идея, никаких символов или выстроенных в иерархическую лестницу приоритетов. Прибыль, бизнес, капитал. Больше ничего. Принято считать, что всем этим управляет некая неизвестная сила; сейчас такая сила — китайская мафия. Это мощное соединение, которое избавляется от внутренних границ, промежуточных финансовых операций, инвестиций как таковых — всего, что составляет основу любой другой преступной группировки. Уже более пяти лет каждый доклад Комиссии по расследованию деятельности мафии предупреждает о «растущей опасности китайской мафии», но за десять лет расследований полиции удалось конфисковать всего шестьсот тысяч евро в Кампи-Бизенцио, недалеко от Флоренции, несколько мотоциклов и часть фабрики. Ничто по сравнению с экономическими силами, ворочающими капиталами в сотни миллионов евро, если верить американским аналитикам. Китаец мне улыбнулся.

— В экономике есть верх и низ. Мы вошли снизу, а выходим сверху.

Прежде чем пойти спать, Нино-Сянь сделал мне предложение на завтрашний день.

— Ты рано встаешь?

— Когда как...

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ПОРТ	4
АНДЖЕЛИНА ДЖОЛИ	20
СИСТЕМА	44
ВОЙНА В СЕКОНДИЛЬНО	69
ЖЕНЩИНЫ	159
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	185
КАЛАШНИКОВ	185
ЖЕЛЕЗОБЕТОН	216
ДОН ПЕППИНО ДИАНА	255
«ГОЛЛИВУД»	282
АБЕРДИН, МОНДРАГОНЕ	300
ПЫЛАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ	328
Примечания	353

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Роберто САВЬЯНО

ГОМОРРА

О САМОЙ ЗАСЕКРЕЧЕННОЙ И ВЛИЯТЕЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППИРОВКЕ В МИРЕ

Перевод с итальянского
И. И. Зайцевой

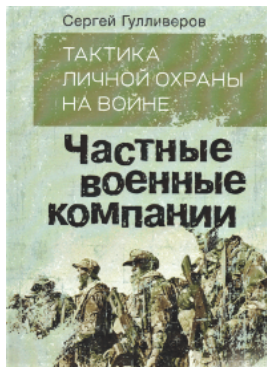
(Російською мовою)

Підписано до друку 05.08.2021 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 22,5. Тираж 300 прим.

ТОВ «КНТ»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 581 від 03.08.2001.

Книги, які можуть вас зацікавити

Тактика личной охраны на войне. Частные военные компании

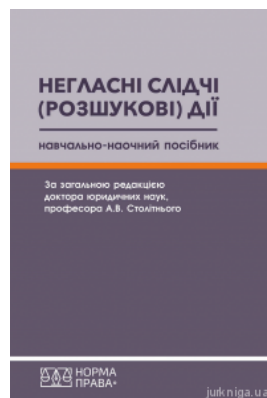
Візуальне виявлення
можливого
спостереження
співробітниками
правоохоронних
органів у процесі
професійної діяльності

Тактика личной охраны на войне. Дикие гуси

Личная безопасность в мирное время или "Собачья работа"

Негласні слідчі
(розшукові) дії.
Навчально-наочний
посібник

Личная безопасность в мирное время или "Продвинутый подход"

Перейти до галузі права
Кримінальне право та процес

[Перейти на сайт →](#)